

МЫ ВЕРИМ В РАЗУМ ЧЕЛОВЕКА

Элем КЛИМОВ,

лауреат XIV МКФ — Золотой приз за фильм «ИДИ И СМОТРИ»

Этторе СКОЛА,

лауреат IX МКФ — Золотой приз за фильм «МЫ ТАК ЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА»

Организовать эту встречу мы решили еще в первые дни Московского международного кинофестиваля, ведь ее придумала жизнь. На экранах нашей страны встретились фильмы Этторе Скола и Элема Климова — «Бал» и «Иди и смотри», так что в нашем сознании голоса их слились, и мы услышали единство устремлений. Художники одного поколения (режиссерский дебют 1964 года); строгость, серьезность, глубина суждений и помыслов, хороший глаз и доброе отношение к людям сделали их жизнь в искусстве значительной для современников.

«Бал» — фильм без единого слова, два часа в скромном танцзале, где спасаются от одиночества люди, не очень-то обласканные жизнью, может быть, даже обиженные и униженные, но не потерявшие человеческого достоинства и в трагические минуты сумевшие его отстоять, — рассказывает историю Франции за последние полвека. Историчность ленты, художественная емкость при намеренно ограниченных средствах и нежное дружеское понимание людей привлекают сердца зрителей. Нелепы и наивны эти мужчины и женщины, заполнявшие танцзал; медлякато годы, сменяются ритмы, мелодии, но они все еще не теряют надежды. Столкновение с фашистской чумой — всего лишь один эпизод фильма, но дух противостояния насилию, попранию человеческих прав на доверие и любовь пронизывают весь фильм. Как и картина, отмеченная премией московского фестиваля «Мы так любили друг друга», это — антифашистское произведение. Что может произойти, если место действия танцзал? — ни кровавых битв, ни даже уличных баррикад, однако протест и презрение черной силе фашизма сказались здесь, как в бою. Откуда силы у этих слабых людей, и смелость, и стойкость? Когда, встав в круг и взявшись за руки, танцуют они, отбивая ритм слишком громко, отчаянно, возникает патетическая нота. А когда возвращается солдат без ноги и партнерша подходит к нему, еще и не понимая, как быть теперь и что же может произойти, а он начинает танцевать на одной ноге — пронзительной силы эпизод, такие мгновения стоят многого. И как хотелось бы, чтобы автор услышал аплодисменты в зале...

Как услышал Элем Климов после глубокой паузы благодарные аплодисменты фестивального зала в вечер показа на конкурсе фильма «Иди и смотри». Это было не приветствие автору, а солидарность с фильмом, с людьми, о которых он рассказывал...

Этторе Скола не смог приехать в Москву, но диалог режиссеров состоялся.

Корреспондент «Известий» побывал на римской киностудии «Чинечитта».

На экране итальянец Марчело Мастрояни и американец Джек Леммон. Они медленно идут по узким коридорам до лика какого-то склада, до лика учреждения, перебарываясь короткими фразами. Выражение лиц у этих двух пожилых людей усталое, даже печальное. Но вот они выходят на залитые солнцем улицы Неаполя, в их вечную сутолоку, и появляется улыбка, глаза молодеют. Как

да зажегся свет, работа над фильмом «Макарони» прервалась, пришло время обедать, все ушли, и в монтажном зале началась эта беседа.

Этторе Скола: Я искренне сожалею, что не смог приехать на Московский международный кинофестиваль, — работа! Фильм снят, надо скорее готовить его в прокат. А побывать в Москве так хотелось! Я считаю эту встречу кинематографистов разных стран одной из самых интересных и насыщенных: всегда есть что посмотреть и всегда находишь друзей. Из итальянских газет я узнал о последнем фильме Элема Климова «Иди и смотри» — хатынской трагедии. Эта тема страданий, скорби, борьбы мне близка и понятна. В Италии гитлеровцы превратили в груды развалин горный городок Мардзаботто в отместку за смелые действия партизан, а его жителей — почти две тысячи человек — истребили. Свое заранее запланированное преступление они даже засняли на пленку. Вопреки их желанию фильм стал наглядным обвинительным документом нацизму.

К сожалению, над человечеством вновь висит военная угроза. Может ли современное кино остаться в стороне от самого важного вопроса наших дней: быть или не быть новой войне, которая неизбежно обернется трагедией для всего человечества? Конечно, речь не идет о том, чтобы давать в фильмах готовые решения, как убереечь землю от нового пожара, это — дело политиков, не кинематографистов. На мой взгляд, фильмы должны заставить зрителя задуматься и спросить себя: достаточно ли разумно использует человек умственный потенциал?..

В это же время в Москве, в пресс-центре фестиваля корреспондент «Известий» беседовал с Элемом Климовым.

Элем Климов: Если раньше могло существовать искусство и развлекательное, и умиротворяющее, то теперь настали времена, как сказал Агостини Адамович, яростного искусства. Яростное искусство, которое сдирает кожу, переворачивает души людей, нацелено на потрясение. Оно хочет освободить зрителя хоть на какой-то миг от бытового сознания, которое засасывает, как болото, как тина, и тогда меркнет его высокое сознание. Искусство-потрясение освобождает людей от бытового сознания, чтобы они не забывали, в какой век, в какой момент живут, и чтобы каждый почувствовал и что-то сумел сделать, чтобы преодолеть надвигающуюся катастрофу. Фильм «Иди и смотри» мы делали с этими мыслями, фильм нацелен на потрясение зрителей — тако-

ва его тема, таков материал. Работая над образом мальчика Флэры, мы думали: вот он, чистый лист бумаги, на нем еще ничего не написано, или почти не написано, — характер его еще не сформирован, он деревенский, простодушный белорусский парень. И мы проводим его через все круги ада, через все испытания, и камера как бы следит: каким он станет. У него есть все основания стать зверем, дьяволом, человеконенавистником. И я говорил нашему юному артисту: «Закрой глаза, Леша, и ты почувствуешь, что все вокруг тебя одного, и люди, которые тебя окружают, и город, и деревня, природа, земля, космос — все вокруг одного человека. Каждый человек может закрыть глаза и представить себе это, каждый человек в центре всей Вселенной. И поэтому от того, какой ты будешь в конце этого фильма, каким ты станешь, зависит будущее Вселенной». В такой условно поэтической форме я говорил ему о высочайшей ответственности каждого за все, за судьбу Вселенной.

Большой хатынский эпизод мы показывали как торжество зла, вседозволенности. Преступая нравственные установления, которые история сформулировала для людей, человек может превратиться в нечто такое, о чем и не предполагал. Когда каратели делают все, что угодно, понимаешь, что на этом пути уже нет конца, а результатом может быть гибель человечества. И второй момент очень важный в исследовании нравственных установлений — наш финальный эпизод. Когда юный герой не стреляет в младенца, ставшего Гитлером. Только что на его глазах убивали детей и матерей, и в нем самом убивали душу. Но он не стреляет в младенца. Он имеет право. Но если он выстрелит, он становится царем-иродом, он должен убить всех детей на земле, всех родившихся, потому что кто-то опять может стать зверем, а может, и еще страшней. В эту секунду он и становится нравственным человеком. Это его окончательная позиция, ради которой, собственно, сделан фильм.

Этот фильм стал жизненным опытом, он был не просто картиной сложной, важной, он очень сильно нас всех, и меня, изменил человечески. После этого опыта надо двигаться дальше, но не отбрасывать этот путь, конечно, двигаться в другом направлении, только так мне интересно — резко сменить курс, но все равно надо говорить о чем-то очень важном, о новом — самом главном, о другом — самом главном.

Этторе Скола: Кино должно волновать, пробуждать мысли, подталкивать к размышлениям и дискуссиям. Легче жить, не мучаясь «проклятыми вопросами», без споров и дискуссий. Буржуазия стремится убавлять сознание масс и заодно упрятать свое собственное сознание в махровый халат. К стати сказать, это «убаюкивание сознания»

весьма характерно и для нашего кино, и для телевидения.

Я глубоко убежден: итальянское кино 50—60-х годов сыграло исключительно важную роль в культурном становлении демократической антифашистской Италии. По своему духовному воздействию оно превзошло даже нашу литературу и другие виды искусства. Доступный и понятный язык кино воспитал целое поколение итальянцев. Это — чрезвычайно интересное культурное и политическое явление. Выдающиеся мастера Де Сика, Росселини, Де Сантис, Джерми, режиссеры старшего поколения — наши признанные «мэтры».

Сейчас итальянское кино в кризисе. Этот кризис в определенной мере отражает затяжной экономический застой. Но есть и другие причины. Меня искренне огорчает, что наши кинозалы пустуют. Молодежь утратила интерес к кино, вокруг кинокартин не бушуют, как прежде, страсти. Видимо, мы, кинорежиссеры, чего-то не поняли в развитии современного общества, что-то важное упустили. Мы должны спросить себя: где и в чем мы ошиблись, почему молодежь растет без кино? Почему интерес к кино вытеснился другими интересами? Найди ответ на эти вопросы, мы сможем кинематограф вновь сделать неотъемлемой частью нашей культуры, устремленной не только в прошлое, но и в будущее.

Элем Климов: Мне кажется, наши усилия должны быть направлены на то, чтобы узнать, понять и сказать новую правду о человеке. Современная наука по праву гордится достижениями, но наука о человеке отстает. Человек на земле пока самое таинственное и малоизученное явление. Достоевский заметил, что человек — это пропасть, в которую ты смотришь, а она смотрит в тебя. Дна в человеке, очевидно, нет, и кинематограф с его возможностями крупного плана может за короткие мгновения показать нечто сложное и новое, дать знание о человеке. А это, мне кажется, путь надежды, потому что, не познав себя, а значит, и других, — не познав и не поняв, — мы вступаем на путь конфликтов и раздоров. Кинематограф сегодня практически может все, я имею в виду его технические и художественные средства, и теперь нужно сосредоточиться на самом главном и озаботиться великой тревогой мира. Кинематограф способен потрясти, но куда направлен вектор его силы, в какую сторону? Он может потрясти и сработать на разделение людей, а может работать на соединение. Советское кино всегда было направлено на то, чтобы соединять людей, потому что идеи интернационализма — в принципах нашего общества и

в подлинно русском характере, в основе его.

Мы верим в высокий разум человека, верим, что люди найдут в себе силы понять, что происходит, и мы верим, что энергия человека безгранична, мы должны все побороть и жить в мире. Я надеюсь на это. А на что еще можно надеяться? Это каждый человек должен понять, и искусство, может быть, для того и существует, чтобы помочь в этом людям.

Этторе Скола: Ответ каждого режиссера на вопрос, выдвигаемый жизнью, сугубо индивидуален. В нем проявляются творческая самобытность, идейная позиция. В моих фильмах проходят, как правило, несколько тем: поиски дружбы, подчас трудные в условиях нашего общества, разделенного жесткими классовыми, социальными и классовыми перегородками и предрассудками. Об этом и мой последний фильм «Макарони».

Я стараюсь утверждать в своих фильмах «маленького человека», униженного и оскорбленного, его равноправие с другими членами общества. Моя цель — показать не только несправедливость такого «вытеснения», но и убедить самого пострадавшего в равенстве с другими людьми, в праве на счастье. Когда я обращаюсь к истории, меня интересуют не столько исторические события и всеми признанные герои, сколько действия в этих событиях простых людей. Внешне в фильмах они могут показаться побежденными, раздавленными колесом истории, но в конечном счете именно они — подлинники творцы истории человечества.

На мой взгляд, каждый режиссер должен искренне отстаивать в фильмах свои убеждения, развивать свои идеи, не идти на сделку с совестью. Короче, должен работать честно.

Элем Климов: Нравственный климат искусство может создать только на одной дороге — дороге правды. Если оно будет лгать или говорить полуправду, оно людям не поможет. Не может узнать друг друга, понять друг друга. Мы говорили о путях соединения людей. Наш московский фестиваль, мне кажется, фрагмент на этом пути. Действительно, атмосфера дружельюбия, которая существует у нас, позволяет многим людям из разных стран познакомиться и узнать друг друга. А какой же еще существует способ сдружить людей, как не познакомиться их? У нас могут быть разные взгляды, разные мнения, позиции, но главное — это то, что происходит в демократической обстановке московского фестиваля, где нет такой помпы, нет звездизма, — люди становятся ближе друг другу...

...Мы возвращались из концертного зала «Россия» после вручения премий по набережной. В реке трепетали огни фонарей, вдаль висел между небом и водой Крымский мост. Москва, ставшая в эти фестивальные дни кинематографической столицей мира, приветствовала своих лауреатов, своих гостей и многочисленных друзей со всех концов света.

Беседу провели корреспонденты «Известий»
Н. ИСМАИЛОВА, Н. ПАКЛИН.